

ТАУБЕР ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ

Кандидат исторических наук, редактор музея, Музеи Московского Кремля
vtauber@yandex.ru

Рецензия на: *Серегина А. Ю.* Лондон и Реформация. Жизнь английской столицы в эпоху Тюдоров (1485–1603). СПб.: Евразия, 2020. 320 с.

VLADIMIR TAUBER

Candidate of Sciences (History), museum editor, Moscow Kremlin Museums
vtauber@yandex.ru

Review on: *Серегина А. Ю.* Лондон и Реформация. Жизнь английской столицы в эпоху Тюдоров (1485–1603). СПб.: Евразия, 2020. 320 с.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Таубер В. А. Рецензия на:
Серегина А. Ю. Лондон и Реформация. Жизнь английской столицы в эпоху Тюдоров (1485–1603). СПб.: Евразия, 2020. 320 с. [Электронный ресурс] // Vox medii aevi. 2020. Vol. 1–2(6–7). С. 296–305.
URL: <http://voxmediiaevi.com/2020-1-2-tauber>

DOI

10.24411/2587-6619-2020-10012

FOR CITATION

Tauber V. A. Review on: *Seregina A. Yu.* London and the Reformation. Life of the English Capital in the Age of the Tudors, 1485–1603. SPb.: Eurasia, 2020. 320 p. [Digital Resource] [Tauber V. Review on: *Seregina A. Yu.* London and the Reformation. Life of the English Capital in the Age of the Tudors, 1485–1603. SPb.: Eurasia, 2020. Vol. 1–2(6–7). P. 296–305. URL: <http://voxmediiaevi.com/2020-1-2-tauber>

DOI

10.24411/2587-6619-2020-10012

ВЛАДИМИР ТАУБЕР

Рецензия на: *Серегина А. Ю. Лондон и Реформация. Жизнь английской столицы в эпоху Тюдоров (1485–1603)*. СПб.: Евразия, 2020. 320 с.

Научно-популярная¹ книга А. Ю. Серегинной посвящена одному из ключевых эпизодов истории Англии раннего Нового времени — Реформации XVI столетия, оказавшей определяющее влияние на многие последующие события, в том числе на революцию XVII в. Неудивительно, что в отечественной историографии сложилась достаточно давняя, пусть и не слишком обширная традиция изучения религиозных реформ тюдоровской эпохи. Однако она мало известна широкой публике, и читателю, желающему получить общее и сколько-либо подробное представление об истории английской Реформации, приходится в основном довольствоваться либо откровенно устаревшими изданиями (вроде знаменитой «Истории английского народа» Дж.Р. Грина), либо более или менее краткими экскурсами в книгах, посвященных смежным темам. В таких обстоятельствах нельзя не обратить внимание на появление научно-популярной книги, в которой специально рассказывается об истории Реформации, написанной к тому же одним из ведущих отечественных специалистов по религиозной истории Англии XVI в. Особый интерес представляет стремление автора связать перемены в церковные и политические перемены в королевстве с историей Лондона и показать их влияние на жизнь простых горожан.

Безусловное достоинство книги А. Ю. Серегинной заключается в том, что создаваемая автором картина Реформации хорошо отражает принятые в современной исторической науке мнения о ходе религиозных реформ и проблематику

1. По не вполне понятной причине, согласно выходным данным, издательство позиционирует эту книгу как научное издание, хотя вполне очевидно, что она является научно-популярной, и именно в таком качестве рассматривается в настоящей рецензии.

ведущихся сейчас научных дискуссий. Здесь необходимо пояснить, что в течение весьма продолжительного времени взгляды большинства историков на английскую Реформацию определялись представлениями, восходящими к произведениям протестантских апологетов раннего Нового времени. В рамках этой парадигмы она изображалась следствием упадка католической церкви позднего Средневековья, вызывавшей неприятие как власть имущих и просвещенной части общества, так и широких кругов верующих. Как считалось, такое положение дел усугублялось существенным влиянием последователей Джона Уиклифа и лоллардов, подготовивших почву для протестантских реформ. Потому перемены были быстро и безболезненно восприняты уже в первой половине XVI в., а период реставрации католицизма при Марии Тюдор оказался якобы лишь случайной девиацией в общем целенаправленном движении к окончательному установлению протестантизма «среднего пути» в елизаветинскую эпоху и дальнейшему возникновению и развитию пуританизма. Победа Реформации, таким образом, воспринималась, в соответствии с духом разных эпох, как торжество истинной веры над суевериями папизма, закономерный шаг в эволюции «английской конституции» или очередной этап прогресса человеческой свободы. Такое «либеральное» представление доминировало в историографии Реформации вплоть до последних десятилетий, когда целый ряд основополагающих тезисов этой концепции подвергся существенному пересмотру². Несмотря на это, отечественная литература (как практически все популярные статьи и заметки, так и многие учебные пособия и даже, что особенно печально, некоторые специальные научные издания) в значительной мере еще находится в плену мифов «либерального» нарратива. В своей работе А. Ю. Серегина, напротив, опровергает их, хотя и не вдается очевидным образом в историографические дискуссии, что было бы, конечно, неуместно в популярном издании.

Это становится понятно уже по первой, следующей после краткого введения, главе книги, в которой рассматривается роль католической церкви в Лондоне начала XVI в. Автор

2. Об основных тезисах «ревизионистов» см., прежде всего, работы К. Хейга в сборнике: *The English Reformation Revised / ed. by C. Haigh. Cambridge, 1987.* Я, разумеется, не хочу сказать, что историография Реформации с конца XVI и до второй половины XX в. была абсолютно однородной, однако альтернативные оценки церковных преобразований XVI столетия не могли поколебать доминирующего положения «либеральной» концепции. За это время был накоплен колоссальный массив частных и общих исследований, которые позволили не только значительно фундаментализировать «либеральную» концепцию, но и, в конечном счете, пересмотреть ее.

подчеркивает, что церковь неизменно сопровождала жизнь горожан, в ней «они находили выражение своему религиозному чувству», все значимые события «отмечались церковными обрядами», а приход для лондонцев был «главным центром жизни» (с. 7). Католическая церковь была крупнейшим землевладельцем, при этом исполняла в обществе позднего Средневековья ряд важнейших социальных функций, занималась благотворительностью и образованием. Естественно, между духовенством и мирянами возникали и конфликты, по большей части касавшиеся уплаты десятины и проблемы юрисдикций, однако едва ли их можно считать проявлениями антиклерикальных настроений паствы: «имущественные и судебные споры... были... “рабочими” — серьезными, но неизбежными при таком переплетении... интересов. Большинство лондонцев, как и англичан в целом, были довольны своей церковью, хотя и не отрицали того, что в ней есть проблемы» (с. 43). На такое положение дел практически не влияли ни все еще существовавшие в Англии общины лоллардов (с. 47–51), ни появившиеся в королевстве с конца 1510-х гг. последователи Мартина Лютера, даже столь выдающиеся, как Уильям Тиндел (с. 52–64). До 1530-х гг. лондонские общины протестантов, хотя и были наиболее многочисленными в стране, все же оставались абсолютным меньшинством. Таким образом, начало Реформации не было ответом на «запрос снизу», но диктовалось исключительно «интересами большой политики» (с. 64).

В создаваемой А. Ю. Серединой картине религиозной истории Англии конца 1520–1560-х гг., от развода короля Генриха VIII с Екатериной Арагонской до «елизаветинского религиозного урегулирования», следует выделить несколько ключевых черт. Автор связывает ход реформ (или, наоборот, контрреформ) с политическими интересами короны, религиозными взглядами самих монархов и их окружения и борьбой партий при дворе. Процесс Реформации не выглядит, таким образом, ни детерминированным, ни последовательным («разрыв с Римом не планировался заранее, и в начале 1530-х гг. мало кто предполагал, что решение Генриха VIII

необратимо», а сам король до конца своих дней оставался «просвещенным католиком» — с. 102–103). В книге неоднократно подчеркивается, что далеко не все происходившие при дворе события и спускаемые сверху преобразования находили поддержку среди населения, тяготеющего к традиционной католической вере. Вообще говоря, проблема «общественного мнения» современников по поводу религиозных реформ XVI столетия — это один из самых интересных и одновременно сложных для изучения аспектов истории английской Реформации, активно обсуждаемый в современной историографии. Материалы Лондона, жители которого были непосредственными свидетелями происходивших событий, позволяют, пожалуй, наиболее ярко представить отношение английского общества к происходившим переменам, хотя, безусловно, нужно помнить о своеобразии столицы по сравнению с другими городами и регионами. Например, как отмечает А. Ю. Серегина, горожане неоднозначно восприняли развод Генриха VIII — их симпатии были скорее на стороне Екатерины Арагонской, нежели короля и Анны Болейн (с. 85–86), не вызвали у них восторгов и частые, порой слишком жестокие казни (с. 98–101, 105, 129, 136–137 и т. д.). Но главное, акты парламента и официально утвержденные вероучительные документы не могли в одночасье превратить католиков в протестантов, и большинство лондонцев без какого-либо энтузиазма воспринимали роспуск монастырей, иконоборческие кампании и прочие потрясения эпохи Реформации. По данным завещаний, в правление Генриха VIII (до 1547 г.) примерно 70% жителей столицы составляли католики, тогда как протестантские общины объединяли около 10% горожан (с. 151–152). Число и влияние последних, впрочем, росло, в особенности в годы правления Эдуарда VI (1547–1553). К моменту его смерти и восшествия на престол королевы Марии лондонская протестантская община была самой крупной в Англии, влиятельной и хорошо организованной, оставаясь, однако, меньшинством в масштабах столицы, — «многие выбрали католичество и придерживались его... в силу убеждения. Другие же испытывали ненависть

к протестантам, отобравшим у них привычную с детства традиционную религию» (с. 173–178). Поэтому восстановление католицизма Марией Тюдор (1553–1558) не выглядит случайностью, а легкость, с которой ее реформы были восприняты большинством англичан, не кажется удивительной (с. 179–211). В целом такое изложение событий соответствует, пользуясь определением К. Хейга, концепции «медленной Реформации сверху»³: религиозные реформы не были победным шествием протестантизма, но навязывались монархами и их правительствами при поддержке немногочисленного, но активного протестантского сообщества через сопротивление католического большинства.

Примерно треть всей книги посвящена жизни церкви Англии и Лондона в правление королевы Елизаветы Тюдор (1558–1603) (с. 212–297). Это тем более ценно, что обычно рассмотрение религиозных проблем этого времени остается на периферии историй Реформации⁴. Как правило, подразумевается, что «елизаветинское религиозное урегулирование» всецело (или по крайней мере в основном) следовало примеру церкви времен Эдуарда VI; после «кровавого» правления Марии оно было с восторгом воспринято англичанами, объединившимися в идущей по «среднему пути между Римом и Женевой»⁵, возглавляемой королевой англиканской церкви. По сути, такое представление, в котором органично сочетаются протестантский миф о Реформации и «белая легенда» о всеобщем счастливом согласии под мудрым правлением Елизаветы⁶, приводит к мысли, что с церковью Англии во второй половине XVI в. и так все понятно, а единственным достойным предметом изучения в религиозной истории этого периода является пуританское движение. Как видно, такая трактовка очень плохо соотносится с той картиной Реформации первой половины XVI в., которую рисует А. Ю. Серегина в своей работе. Развивая идею о сложности и болезненности реформационных преобразований, она обращает внимание и на те трудности, которые приходилось преодолевать властям во второй половине столетия для установления в Англии эффективной протестантской церкви: сопротивление

3. О предложенной К. Хейгом классификации основных подходов к истории Реформации см.: *Haigh C. The recent historiography of the English Reformation // The English Reformation Revised. P. 19–33.*

4. В частности, мне не известны русскоязычные работы, авторы которых комплексно рассматривали бы историю елизаветинской церкви как самостоятельную исследовательскую проблему.

5. Замечу, что в книге А. Ю. Серегиной понятие *via media* не употребляется, кажется, ни разу, что не может не радовать: повсеместное некритическое воспроизведение этого термина применительно к елизаветинской церкви (и вообще церкви Англии эпохи Реформации) едва ли отвечает сложившемуся в современной «профильной» историографии представлению о ее сущности.

6. О происхождении и содержании этой «белой легенды» подробнее см.: *Guy J. Elizabeth. The Forgotten Years. New York, 2016. P. 13–14.*

католиков реформам 1559 г. (с. 219–231), разногласия между королевой и епископами (с. 227–228, 257–261), нехватку достаточно компетентных и лояльных священников для протестантской проповеди (с. 232–241), деятельность радикалов-пуритан (с. 254–266) и т. д. Лишь к концу почти полувекового правления Елизаветы в результате значительных усилий властей и всеобщей проповеди «Англия стала королевством протестантов» (с. 242). Тем не менее здесь по-прежнему сосуществовали различные религиозные сообщества, инкорпорация которых в официальную церковь на поверку порой оказывалась весьма формальной. В частности, один из лучших разделов книги посвящен католикам в елизаветинском Лондоне (с. 267–286) — в нем автор опровергает представления как о тотальной победе протестантизма к концу XVI в., так и о ненасильственности религиозной политики Елизаветы, часто противопоставляемой кровавым репрессиям Марии. Таким образом, даже к концу тюдоровского «золотого века» в Англии оставалось немало нерешенных религиозных проблем и противоречий, во многом определивших «повестку дня» уже в следующий, стюартовский период.

Предлагаемый А. Ю. Серegiной взгляд на события эпохи Реформации находится в русле «постревизионистского» (по определению все того же К. Хейга⁷) понимания этого процесса. Естественно, как и всякое достаточно противоречивое историческое явление, английская Реформация остается предметом оживленных споров исследователей, и консенсус по многим вопросам еще не достигнут. В целом работа А. Ю. Серegiной вполне отражает содержание современной научной дискуссии и общепринятые на настоящий момент представления о ходе Реформации. С учетом этого, а также имея в виду научно-популярный характер книги, я не считаю необходимым привлекать специальное внимание к тем предлагаемым автором суждениям и трактовкам, которые могут вызвать «рабочее» несогласие иных исследователей (в том числе и лично мое). Тем не менее я все же хотел бы обратить внимание на некоторые нюансы, которые представляются недостатками рецензируемой книги.

7. Haigh C. Review: Providence in Early Modern England by Alexandra Walsham // The English Historical Review. 2000. Vol. 115. №463. P. 965.

Помимо единичных опечаток («раз в род» вместо «раз в год» на с. 20) и стилистических шероховатостей (с. 106: «Посол, прибывший... для заключения договора с королем, резиденция которого находилась в Роттерхите...» — речь, разумеется, идет о резиденции посла, а не короля, как можно было бы понять из текста), а также излишнего разнообразия в передаче собственных имен (в особенности названий церквей — ср., например, церковь «Св. Данстана-на-западе» на с. 32, «Св. Данстана — на Западе» на с. 56, и «Св. Данстана “на западе”» на с. 184), в тексте попадаются и досадные фактические неточности. Так, на с. 107 упоминается «“Королевская книга” 1537 г.», тогда как речь, очевидно, идет о «Епископской книге»; далее, на с. 145, «Королевская книга» датирована верно — 1543 г. На с. 214 пропущена фамилия «епископа Винчестерского Джона», арестованного вместе с «епископом Чичестерским Джоном Кристоферсоном», хотя на с. 217 оба они упоминаются по фамилии — «Уайт и Кристоферсон». Рассказывая на с. 219 об открытии парламента 1559 г., автор упоминает проповедь «известного протестанта Роберта Кокса», хотя ранее, на с. 154, будущий епископ Илийский был правильно назван Ричардом. Не совсем корректно и то, что заседания парламента начались 23 января (с. 219), — в этот день парламент был созван, однако его открытие и, соответственно, начало работы состоялись двумя днями позже. Сомнительным представляется также замечание, что заявление Кентерберийской конвокации о поддержке католицизма, утвержденное 28 февраля 1559 г., появилось *в ответ* на «Билль о Реформации», принятый парламентом в тот же день, — текст этого заявления зафиксирован в протоколах заседаний синода еще тремя днями ранее⁸. Не вполне понятно также, что имеет в виду автор, говоря, будто «госпиталь Св. Фомы Акрского... был изначально посвящен Св. Томасу Бекету», а после запрета культа последнего «лондонцам пришлось делать вид», что они почитали другого святого (с. 107). Орден, владевший госпиталем до Реформации, был основан в Акре, откуда происходит его название, но на протяжении всей своей истории был посвящен Томасу Бекету⁹,

8. Records of Convocation / ed. by G. Bray. Woodbridge, 2006. Vol. 7. P. 398.

9. Подробнее см.: Forey A. J. The Military Order of St Thomas of Acre // The English Historical Review. 1977. Vol. 92. №364. P. 481–503.

и никакого другого святого Фомы Акрского не существует. Запрет культа кентерберийского мученика привел к уничтожению его статуи и витража, но не к перепосвящению госпиталя, который затем, в 1542 г., перешел в собственность Гильдии торговцев тканями¹⁰.

Подобные неточности, впрочем, практически не влияют на восприятие содержания книги. Иначе обстоит дело с некоторыми пассажами, которые автор не комментирует, по-видимому считая очевидными, но едва ли они будут столь же хорошо понятны каждому читателю. В основном они касаются частных деталей, как на с. 117, где, говоря о передаче некоторых владений Вестминстерского аббатства собору Святого Павла, автор приводит поговорку: «Ограбить Петра, чтобы заплатить Павлу», однако ни здесь, ни ранее не поясняется, как святой Петр относится к Вестминстеру. Есть, впрочем, и более значительные с точки зрения содержания книги примеры. Наиболее существенным такое отсутствие пояснений представляется в разделе, где речь идет о начале «парламента Реформации» (с. 87–89). Автор никак не акцентирует сам факт созыва парламента, говоря о нем как о чем-то само собой разумеющемся, однако это не так. За предшествовавшие полтора десятилетия фактического правления кардинала Уолси парламент созывался всего однажды, в 1523 г., проработал около четырех месяцев и закончился, по большому счету, ничем из-за конфликта всесильного министра с парламентариями. Правление без парламента было вполне сознательной политикой кардинала Уолси¹¹, и созыв парламента в 1529 г. был целенаправленной акцией короля (каковы были его мотивы — отдельный вопрос), ознаменовавшей изменение тактики его правительства. Это в целом достаточно очевидно для того, кто представляет себе, как действовали парламенты раннего Нового времени, но может ускользнуть от внимания читателя, хуже знакомого с реалиями Англии XVI столетия, а потому, на мой взгляд, заслуживает специального комментария, особенно в научно-популярной книге.

Впрочем, все приведенные замечания и соображения носят второстепенный характер и никак не умаляют достоинств

10. Sutton A. F. *The Mercery of London: Trade, Goods and People, 1130–1578*. L.; N. Y., 2005. P. 369–373.

11. Для сравнения: в начале правления Генриха VIII, в период с 1509 по 1515 г., было созвано три парламента, из которых только один действовал меньше года.

работы А. Ю. Серегиной, представляющей собой редчайший в отечественной исторической науке пример современной комплексной истории английской Реформации, выдержанный на высоком научном уровне, а также попросту интересную научно-популярную книгу. Можно только приветствовать появление такого издания и надеяться, что оно привлечет заслуженное внимание и найдет отклик как у специалистов, так и у более широкой аудитории читателей, интересующихся эпохой Тюдоров и историей Англии в целом.

